

ва у посетителей "Женитьба Фигаро" оно не вызывает. Гори они синим пламенем, эти пушки и все, что с ними связано. Так, очевидно, думают зрители, устремляя шаги к буфету, а взоры к фотографиям симпатичных артистов, украшающих по традиции стены театра.

И во время спектакля публика небогато реагирует на появление санюкотов. Они пробегают или, в сопровождении выстрелов и дыма, проползают по площадке, чтобы исчезнуть за кулисами. Зачем они это делают, в чем секрет и смысл происходящего — неясно.

Столь же загадочным, как теперь, на 150-м спектакле, представлялось это и на первом, а разгадка, очевидно, так и не появится на свет божий, что, откровенно говоря, не так уж и важно. Ведь должно быть в спектакле нечто загадочное, так почему не эти безобидные люди и прекрасная Марианна со знаменем и обнаженной грудью, тоже неизменно за чем появляющаяся перед публикой.

Свободно о свободных людях

В свое время критика, вдоволь посетовав по поводу "революционных матов" и одновременно подивившись тому, что революционный дух пьесы Бомарше мало волновал режиссера, на этом почему-то закиклилась. Правда, не отрицала удовольствия, полученного от представления, хвалила актеров за энтузиазм, а Шейнциса за стенографию, но делала все это достаточно вяло. Всерьез работу не принимала (были, разумеется, среди критиков исключения), а значит не обещала ей ни долгой, ни особенно славной жизни. И ошиблась — к счастью.

Едва ли не уверена, что, доведись тем, кто отнесся к работе Ленкома равнодушно, вновь увидеть спектакль, они удивились бы своей прежней реакцией. Удивились бы, что не разглядели, не почувствовали изначально ощутимых в "Женитьбе Фигаро" возможностей к долгой жизни и совершенствованию. И то, и другое было в том самом профессионализме и неподдельном энтузиазме, которые уже стали основополагающим знаком театра Марка Захарова, и оттого, как все привычное, не очень берется во внимание. Актеры профессией владеют и хорошо, что владеют — как же иначе?

Как иначе — мы знаем и не только в театре с этим встречаемся, но вот что, "смирившись" с умением, и особенно с умением в той профессии, которая "выходит на люди", не берем почему-то в расчет. Профессия, если она уже дана или дается в руки, находит удовольствие в себе самой. Дрожит усилиями, вложенными в дело, шеголяет на радость себе и другим результатами, с удовольствием принимает ответную отдачу. Аплодисменты, смех, тишину и цветы, которые были не только на премьеры, но и на том самом столетидесятом "старом" спектакле. (Кстати, шел он в июньскую жару, но барышники перед входом прогуливались не зря).

Что еще держит представление и позволяет исполнителям — и публике заодно — получать удовольствие? Юмор. Он, как известно, не только не надоедает, но, беря во внимание реакцию зала, рождает своего рода соперничество. Остроловы готовы пуститься во все тяжкие, чтобы завоевать первенство. Дабы нас не упрекнули в не объективности, а это больше во вред театру, нежели пленившемуся спектаклем критику — скажем, что исполнительница роли Марселлины как очень уж старалась понравиться публике, так продолжает активно стараться по сей день, и постановщикам стоило бы ее хоть немножко укротить. И всю сцену суда следовало бы немножко утихомирить. Ее громкоголосие и односторонность никак не вяжутся с изяществом, лукавством и легкостью всего остального и всех остальных.

Начать следовало бы с Фигаро, как с героя и актера, что называется, молодого, но после того как Дмитрий Певцов сыграл Треплева, числится его лишь в подающих надежды было бы неспра-

ведливо. Не будем утверждать, что Фигаро, наконец, страстно полюбил Сюзанну, и что в силу этого роль приобрела новые оттенки и краски. Ревность ранит его меньше, нежели уязвленное чувство собственного достоинства. "Женитьба Фигаро" и поставлена во имя достоинства: свободный спектакль о свободных людях. Или о людях, почувствовавших себя независимыми и оттого особенно остро свою независимость и посягательство на нее ощущающими. Со временем и от времени желая защититься у актера лишь возросло. Куда как своевременно и современно.

Освободившись от необходимости "составить мнение" (крест профессии), воспринимаешь все куда более остро, непосредственно и живо. С особым чувством благодарности, восхищения убеждаешься, что сценография Олега Шейнциса не только удивительно красива, но еще и умна. Его "летающие" декорации, его спрятанные в эlegantные чехлы канаты, на которых и страшновато, и упорительно взмывать вверх, работают на главное, а если отвлекают на себя внимание, то не по вине художника. Талант, как шило в мешке, не утаишь.

Пространство спектакля было выстроено так, что давало каждому шанс. Хочешь оставаться при своих — оставайся, не хочешь — развись и играй. Александра Захарова чувствуешь себя, как рыбе в воде. Что ни делает — все к месту. И что особенно забавно — умудрилась завербовать в партнеры зал. Воздохнет и искоса бросит взгляд: клюнула?

А раз клюнули (нельзя не клюнуть — так она наивна, мила, беспомощна), можно поглубже вздохнуть, и испугаться посылнее, и чуточку повольнее поскотничать в Керубинке — и чтобы насолить графу, и просто так. Все чуточку и все вместе с нами. Ем! Полный нашем одобрении.

А что еще артисту надо? И что еще нам надо, коль скоро мы идем в театр?

Натала ЛОРДЖИПАНИДЗЕ.

Фигаро и Сюзанна. — 1993 —
18-20 июля
(ИЗР). — С. 6.

Хотя пушка по-прежнему красуется в фойе Ленкома и по-прежнему на постаменте заветная табличка, сообщающая, что сия орудиe принадлежит времени французской революции, особая любовь публики и даже вообще любопыт-